

*Милым и благо нравным детям,
Сузи и Кларе Клеменс,
с чувством сердечной любви
посвящает эту книгу их отец*

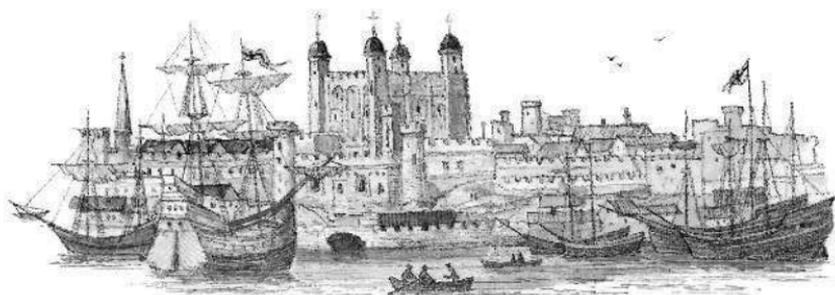
Эту повесть я расскажу вам в том виде, в каком я слышал ее от одного человека, слышавшего ее от своего отца, который слышал ее от своего отца, а тот от своего и так дальше. Триста лет, а быть может, и долее, отцы передавали ее сыновьям, и таким образом она была сохранена для потомства. Возможно, что это исторический факт, но возможно — предание, легенда. Пожалуй, все это было, а пожалуй, этого и не было, но все же могло бы быть. Возможно, что в старое время в нее верили мудрецы и ученые, но возможно и то, что только простые неученые люди верили в нее и любили ее.

О, в милосердии двойная благодать:
Блажен и тот, кто милует, и тот,
Кого он милует. Всего сильнее
Оно в руках у сильных; королям
Оно пристало больше, чем корона.

Шекспир
«Венецианский купец»¹

Глава I

РОЖДЕНИЕ ПРИНЦА И РОЖДЕНИЕ НИЩЕГО

Это было в конце второй четверти шестнадцатого столетия.

В один осенний день в древнем городе Лондоне в бедной семье Кенти родился мальчик, который был ей совсем не нужен. В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой английский ребенок, который был нужен не только ей, но и всей Англии. Англия так давно мечтала о нем, ждала его и молила Бога о нем, что, когда он и в самом деле появился на свет, англичане чуть с ума не сошли от радости. Люди, едва знакомые между собою, встречаясь в тот день, обнимались, целовались и плакали. Никто не работал, все праздновали — бедные и богатые, простолюдины и знатные, — пировали, плясали, пели, угощались вином, и такая гульба продолжалась несколько дней и ночей. Днем Лондон представлял собою очень красивое зрелище: на каждом балконе, на каждой крыше развевались яркие флаги, по улицам шествовали пышные процес-

сии. Ночью тоже было на что посмотреть: на всех перекрестках пылали большие костры, а вокруг костров веселились целые полчища гуляк. Во всей Англии только и разговоров было, что о новорожденном Эдуарде Тюдоре, принце Уэльском², а тот лежал завернутый в шелка и атласы, не подозревая обо всей этой кутерьме и не зная, что с ним нянчатся знатные лорды и леди, — ему это было безразлично. Но нигде не слышно было толков о другом ребенке, Томе Кенти, запеленатом в жалкие тряпки. Говорили о нем только в той нищенской, убогой семье, которой его появление на свет сулило так много хлопот.

Глава II

ДЕТСТВО ТОМА

Перешагнем через несколько лет.

Лондон существовал уже пятнадцать веков и был большим городом по тем временам. В нем насчитывалось сто тысяч жителей, иные полагают — вдвое больше. Улицы были узкие, кривые и грязные, особенно в той части города, где жил Том Кенти, — недалеко от Лондонского моста. Дома были деревянные; второй этаж выдавался над первым, третий выставлял свои локти далеко над вторым. Чем выше росли дома, тем шире они становились. Остовы у них были из крепких, положенных крест-накрест балок; промежутки между балками заполнялись прочным материалом и сверху покрывались штукатуркой.

Балки были выкрашены красной, синей или черной краской, смотря по вкусу владельца, и это придавало домам очень живописный вид. Окна были маленькие, с мелкими ромбами стекол, и открывались наружу на петлях, как двери.

Дом, где жил отец Тома, стоял в вонючем тупике за Обжорным рядом. Тупик назывался Двор Отбросов. Дом был маленький, ветхий, шаткий, доверху набитый беднотой. Семья Кенти занимала каморку в третьем этаже. У отца с матерью существовало некоторое подобие кровати, но Том, его бабка и обе его сестры, Бэт и Нэн, не знали такого неудобства: им принадлежал весь пол, и они могли спать где им вздумается. К их услугам были обрывки двух-трех старых одеял и несколько охапок грязной, обветшалой соломы, но это вряд ли можно было назвать постелью, потому что по утрам все это сваливалось в кучу, из которой к ночи каждый выбирал что хотел.

Бэт и Нэн были пятнадцатилетние девчонки-близнецы, добродушные замарашки, одетые в лохмотья и глубоко невежественные. Мать мало чем отличалась от них. Но отец с бабкой были сущие дьяволы; они напивались, где только могли, и тогда воевали друг с другом или с кем попало, кто только под руку подвернется. Они ругались и сквернословили на каждом шагу, в пьяном и в трезвом виде. Джон Кенти был вор, а его мать — нищенка. Они научили детей просить милостыню, но сделать их ворами не могли. Среди нищих и воров, наполнявших дом, жил один человек, который не принадлежал к их

числу. То был добрый старик священник, выброшенный королем на улицу с ничтожной пенсией в несколько медных монет. Он часто уводил детей к себе и тайком от родителей внушал им любовь к добру. Он научил Тома читать и писать, от него Том приобрел и некоторые познания в латинском языке. Старик хотел научить грамоте и девочек, но девочки боялись подруг, которые стали бы смеяться над их неуместной ученостью.

Весь Двор Отбросов представлял собою такое же осиное гнездо, как и тот дом, где жил Кенти. Попойки, ссоры и драки были здесь в порядке вещей. Они происходили каждую ночь и длились чуть не до утра. Пробитые головы были здесь таким же заурядным явлением, как голод. И все же маленький Том не чувствовал себя несчастным. Иной раз ему приходилось очень туго, но он не придавал своим бедствиям большого значения: так жилось всем мальчишкам во Дворе Отбросов; поэтому он полагал, что иначе и быть не должно. Он знал, что вечером, когда он вернется домой с пустыми руками, отец изругает его и прибьет, да и бабка не даст ему спуска, а позднее ночью подкрадется вечно голодная мать и потихоньку сунет черствую корку или какие-нибудь объедки, которые она могла бы съесть сама, но сберегла для него, хотя уже не раз попадалась во время этих предательских действий и получала в награду тяжелые побои от мужа.

Нет, Тому жилось не так уж плохо, особенно в летнее время. Он просил милостыню не

слишком усердно — лишь бы только избавиться от отцовских побоев, — потому что законы против нищенства были суровы и попрошайек наказывали очень жестоко. Немало часов проводил он со священником Эндрью, слушая его дивные старинные легенды и сказки о великанах и карликах, о волшебниках и феях, о заколдованных замках, великолепных королях и принцах. Воображение мальчика было полно всеми этими чудесами, и не раз ночью, в темноте, лежа на скудной и колкой соломе, усталый, голодный, избитый, он давал волю мечтам и скоро забывал и обиды и боль, рисуя себе сладостные картины восхитительной жизни какого-нибудь изнеженного принца в королевском дворце. День и ночь его преследовало одно желание: увидеть своими глазами настоящего принца. Раз он высказал это желание товарищам по Двору Отбросов, но те подняли его на смех и так безжалостно издевались над ним, что он решил впредь не делиться своими мечтами ни с кем.

Ему часто случалось читать у священника старые книги. По просьбе мальчика священник объяснял ему их смысл, а порою дополнял своими рассказами. Мечтания и книги оставили след в душе Тома. Герои его фантазии были так изящны и нарядны, что он стал тяготиться своими лохмотьями, своей неопрятностью, и ему захотелось быть чистым и лучше одетым. Правда, он и теперь зачастую возился в грязи с таким же удовольствием, как прежде, но в Темзе стал он плескаться не только для забавы: теперь ему

нравилось также и то, что вода смывает с него грязь.

У Тома всегда находилось на что поглазеть возле майского шеста в Чипсайде или на ярмарках. Кроме того, время от времени ему, как и всем лондонцам, удавалось полюбоваться военным парадом, когда какую-нибудь несчастную знаменитость везли в тюрьму Тауэра³ сухим путем или в лодке. В один летний день ему пришлось видеть, как сожгли на костре в Смитфилде бедную Энн Эскью⁴, а с нею еще трех человек; он слышал, как некий бывший епископ читал им длинную проповедь, которая, впрочем, очень мало заинтересовала его. Да, в общем, жизнь Тома была довольно-таки разнообразна и приятна.

Понемногу чтение книг и мечты о жизни королей так сильно подействовали на него, что он, сам того не замечая, стал разыгрывать из себя принца, к восхищению и потехе своих уличных товарищей. Его речь и повадки стали церемонны и величественны. Его влияние во Дворе Отбросов с каждым днем возрастало, и постепенно сверстники привыкли относиться к нему с восторженным почтением, как к высшему существу. Им казалось, что он так много знает, что он способен к таким дивным речам и делам! И сам он был такой умный, ученый! О каждом замечании и о каждом поступке Тома дети рассказывали старшим, так что вскоре и старшие заговорили о Томе Кенти и стали смотреть на него как на чрезвычайно одаренного, необыкновенного мальчика. Взрослые в затруднительных случаях

стали обращаться к нему за советом и часто дивились остроумию и мудрости его приговоров. Он стал героем для всех, кто знал его, — только родные не видели в нем ничего замечательного.

Прошло немного времени, и Том завел себе настоящий королевский двор! Он был принцем; его ближайшие товарищи были телохранителями, камергерами, шталмейстерами, придворными лордами, статс-дамами и членами королевской фамилии. Каждый день самозванного принца встречали по церемониалу, вычитанному Томом из старинных романов; каждый день великие дела его мнимой державы обсуждались на королевском совете; каждый день его высокочество мнимый принц издавал приказы воображаемым армиям, флотам и заморским владениям.

Потом он в тех же лохмотьях шел просить милостыню, выпрашивал несколько фартиггов, глодал черствую корку, получал обычную долю побоев и ругани и, растянувшись на охапке воючей соломы, вновь предавался мечтам о своем воображаемом величии. А желание увидеть хоть раз настоящего, живого принца росло в нем с каждым днем, с каждой неделей и в конце концов заслонило все другие желания и стало его единственной страстью.

В один январский день он, как всегда, вышел в поход за милостыней. Несколько часов подряд, босой, продрогший, уныло слонялся он вокруг Минсинг-лэйн и Литтл-Ист-Чипа, заглядывая в окна харчевен и глотая слюнки при виде ужас-

нейших свиных паштетов и других смертоубийственных изобретений, выставленных в окне: для него это были райские лакомства, достойные ангелов, по крайней мере судя по запаху, — отведывать их ему никогда не случалось. Моросил мелкий холодный дождь; день был тоскливый и хмурый. Под вечер Том пришел домой такой измокший, утомленный, голодный, что даже отец с бабкой как будто пожалели его, — конечно, на свой лад: наскоро угостили его тумаками и отправили спать. Долго боль и голод, а также ругань и потасовки соседей не давали ему уснуть, но, наконец, мысли его унеслись в дальние, чудесные страны, и он уснул среди принцев, с ног до головы усыпанных золотом и драгоценными камнями. Принцы жили в огромных дворцах, где слуги благоговейно склонялись перед ними или летели выполнять их приказания. А затем, как водится, ему приснилось, что он и сам — принц.

Всю ночь он упивался своим королевским величием; всю ночь окружали его знатные леди и лорды; в сиянии яркого света он шествовал среди них, вдыхая чудесные ароматы, восхищаясь сладостной музыкой и отвечая на почтительные поклоны расступавшейся перед ним толпы — то улыбкой, то царственным кивком.

А утром, когда он проснулся и увидел окружающую его нищету, все вокруг, — как всегда после подобного сна, — показалось ему в тысячу раз непригляднее. Сердце его горестно заньло, и он залился слезами.

Глава III

ВСТРЕЧА ТОМА С ПРИНЦЕМ

Том встал голодный и голодный поплелся из дому, но все его мысли были поглощены призрачным великолепием его ночных сновидений. Он рассеянно брел по улицам, почти не замечая, куда идет и что происходит вокруг. Иные толкали его, иные ругали, но он был погружен в свои мечты, ничего не видел, не слышал. Наконец он очутился у ворот Темпл Бара. Дальше в эту сторону он никогда не заходил. Он остановился и с минуту раздумывал, куда он попал, потом мечты снова захватили его, и он очутился за городскими стенами. В то время Стренд уже не был проселочной дорогой и даже считал себя улицей, — но вряд ли он имел право на это, потому что, хотя по одну сторону СтRENDA тянулся почти сплошной ряд домов, дома на другой стороне были разбросаны далеко друг от друга, — великолепные замки богатейших дворян, окруженные роскошными садами, спускавшимися к реке. В наше время на месте этих садов теснятся целые мили угрюмых строений из камня и кирпича.

Том добрался до деревни Черинг и присел отдохнуть у подножья красивого креста, воздвигнутого в давние дни одним овдовевшим королем, оплакивавшим безвременную кончину супруги; потом опять неторопливо побрел по прекрасной пустынной дороге, миновал роскошный дворец кардинала и направился к другому, еще более роскошному и величественному дворцу — Вестмин-